

EDN: VHCHGO

УДК 94(73)+27-76-051

Жизнь и смерть аляскинского миссионера иеромонаха Никиты

Печатнов Владимир Олегович¹, Печатнов Валентин Владимирович²

¹доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России.

Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0001-6733-031X. E-mail: vopechatnov@gmail.com

²кандидат исторических наук, доцент кафедры философии им. А. Ф. Шишкина, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России.

Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0001-9340-9363. E-mail: vpechatnov@yandex.ru

Аннотация. В статье дается краткий документальный очерк жизненного пути иеромонаха Никиты (Марченко) – русского православного миссионера из Валаамского монастыря, служившего в Русской духовной миссии на Аляске в 1880-х гг. Эта фигура практически неизвестна в российской и зарубежной историографии, между тем она являет собой яркий пример рядового православного подвижника, который начал свой жизненный путь армейским офицером, а затем, приняв монашеский постриг, положил все свои силы и саму жизнь ради духовного окормления автохтонного населения Аляски. В его трагической судьбе отразилась жизнь далекой Алеутской и Аляскинской епархии РПЦ со всеми ее проблемами и нуждами: тяготы и успехи миссионерского служения в суровом северном краю среди чуждых туземных племен, образ жизни и мышления скромного российского священнослужителя в этом окружении, отношения и нравы внутри самой епархиальной среды с ее строгими требованиями к рядовым миссионерам. Показана также роль дипломатов и бюрократии Св. Синода в судьбе героя очерка. Статья написана на основе документов Российского государственного исторического архива (фонды Св. Синода и К. П. Победоносцева), Архива внешней политики Российской империи, а также малоизвестных источников из Архива Русской Церкви на Аляске (Рукописный отдел Библиотеки Конгресса США). Знакомство с реальностью миссионерского служения иеромонаха Никиты, отложившейся в этих архивных документах, помогает лучше понять историю Русской духовной миссии в Америке в конце XIX в. и дополнить существующие в научной литературе представления о ней новыми индивидуальными красками.

Ключевые слова: Русская духовная миссия в Америке, Алеутская и Аляскинская епархия, иеромонах Никита (Марченко), епископ Нестор (Засс).

Неисповедимы пути Господни... Кто бы мог подумать, что поручик Николай Марченко оставит военную службу, уйдет в монастырь, станет монахом Никитой, отправится миссионером в Америку и окончит свой земной путь на Аляске рядом с могилой своего идеала – другого валаамского монаха Германа Аляскинского? Но именно так сложилась судьба этого необычного человека, о котором в научной литературе упоминается в капитальном труде митрополита Клементия (Капалина) о Русской духовной миссии на Аляске [6, с. 310n, 426–429].

О его происхождении почти ничего не известно. Согласно скудным сведениям из его послужного списка, родился Николай Марченко около 1837 г. и обучался в Полоцком кадетском корпусе – начальном военном учебном заведении, созданном по повелению императора Николая I в 1835 г. для подготовки дворянских детей Витебской и соседних с ней губерний к воинской службе. Были среди них и выходцы из других сословий, так что Николай не обязательно происходил из дворян. Принимали в корпус мальчиков в возрасте от 12 до 14 лет. Обучение продолжалось до 10 лет, после чего выпускники получали первый офицерский чин прапорщика или подпоручика. Судя по тому, что Николай Марченко вскоре после выпуска дослужился до поручика, он окончил полный курс этого военного училища. Служил в батальоне внутренней стражи Петрозаводска, то есть во внутренних войсках, располагавшихся в каждом губернском городе. Неизвестно, что именно побудило его оставить военную службу и в мае 1864 г., 27 лет от роду, уйти в соседний Спасо-Преображенский монастырь на Валааме – знаменитую на всю Россию монашескую обитель. Ясно только, что духовный зов оказался для него сильнее соблазнов мирской жизни. Через два года, получив разрешение военного начальства уйти в отставку, Марченко стал послушником Спасо-Преображенского монастыря. Это был не единственный бывший офицер на Валааме: в архиве монастыря, в частности, есть дело о принятии в послушники подпоручика Макара Игуменова в 1859 г. [2, с. 29]. Из послужаний в послужном списке Марченко упомянута полугодовая служба братом милосердия на

санитарных поездах и при эвакуационном бараке во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. «Возложенные на него обязанности исполнял со знанием дела и с полным самоотвержением, как свидетельствует Ясская эвакуационная комиссия», – говорится в послужном списке [10]. Недаром уже во время службы в Америке он будет награжден Красным Крестом и бронзовой медалью в память об этой войне. Еще до этого, в начале 1874 г., послушник Марченко был пострижен в монахи под именем Никиты. Имя это греческого происхождения и образовано от слова νικητής – «победитель», что в православной традиции символизирует победу Христа над смертью.

В монастыре о. Никита был много наслышан о духовных подвигах первых русских миссионеров в Америке – валаамских монахах, основавших в 1794 г. по велению Екатерины II первую православную Духовную миссию в Русской Америке. Особенно жива на Валааме была память о самом легендарном из них – монахе Германе, прослужившем на Аляске 42 года до самой своей смерти и прозванном за это Германом Аляскинским. Его письма и другие связанные с ним документы бережно хранились в монастыре [3, с. VIII–XIII]. Именно этот пример вдохновил отставного поручика на попытку повторить подвиг отца Германа. Еще находясь в монастыре, он организовал отправку образа преподобных Сергия и Германа, валаамских чудотворцев XIV в., для помещения его в часовне на Еловом острове, где жил и был погребен преподобный Герман Аляскинский. А затем, находясь уже на службе в Америке, просил епископа Нестора утвердить его в должности попечителя Елового острова и мощей преподобного, что «будет мне великою наградой и побуждением к подражанию трудам приснопамятного старца, оставившего по себе между алеутами незабвенную память» [10].

Мы не знаем подробностей назначения о. Никиты в Америку: сам он попросился туда или был рекомендован монастырем в ответ на запрос Св. Синода. Известно лишь, что куратор тогда вдовствующей Алеутской и Аляскинской епархии митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский и Финляндский Исидор (Никольский), Первенствующий член Св. Синода, рекомендовал его архимандриту Нестору (Зассу), назначенному летом 1878 г. новым главой океанской епархии. Сам Нестор, озабоченный нехваткой достойных священнослужителей в своей новой епархии, искал людей аскезы, выбравших его путь. Он писал митрополиту Исидору, который был его духовным наставником: «Хотелось бы иметь более надежных людей, лучше всего – из монахов» [7, л. 12]. 17 декабря 1878 г. о. Никита был рукоположен в иеродиакона. Видимо, уже в то время это делалось с прицелом на предстоящее назначение о. Никиты в Америку: не случайно в тот же день, 17 декабря, митрополит Исидор хиротонисал в Александро-Невской Лавре самого Нестора во епископа Алеутского и Аляскинского. Но колеса синодальной бюрократии крутились медленно, и оформление командирования о. Никиты в Америку было начато только в июле следующего года [2, с. 28]. 24 сентября 1879 г. Св. Синод определил его миссионером в Америку, о чем митрополит Исидор лично уведомил вл. Нестора, препроводив тому послужной список соискателя и подписавшись «С братскою о Господе любовью» [10].

Получив прогонные и заграничный паспорт, новоиспеченный миссионер отправился в дальний путь и прибыл в Сан-Франциско 19 декабря 1879 г., в тот же день доложив об этом в рапорте преосвященному Нестору: «Имею честь донести Вашему Преосвященству, что я сего дня, Богохранимый, благополучно прибыл в Сан-Франциско, будучи переведен определением Святейшего Синода из С. Петербургской епархии во вверенную Вашему Преосвященству епархию Алеутскую...» [10]. «К присяге и исповеди», – приписал на рапорте преосв. Нестор. Он решил безотлагательно повысить о. Никиту в сане для определения его на священническое место миссионером на Кенайский полуостров, несмотря на отсутствие у того духовного образования. 31 декабря член Духовного Правления иеромонах Герман исповедовал испытуемого перед посвящением, донеся, что «при открытии его совести препятствий к его рукоположению в иеромонаха не оказалось». [10]. Уже на следующий день, 1 января 1880 г., вл. Нестор рукоположил о. Никиту в иеромонаха в Александро-Невском кафедральном соборе Сан-Франциско.

Перед отъездом из России его напутствовал сам преосв. Исидор, передавший с ним письмо для вл. Нестора. «С несказанной радостью прочел Ваше письмо, – отвечал митрополиту Нестор. – ...Сразу возникла перед глазами наша богохранимая Лавра, Ваш дом и гостиная, где мы пили чай за духовной беседой». «Он (о. Никита. – *Авт.*) будет жить у меня в квартире до весны, а когда я поеду, если Бог благоволит, на Алеутские острова, тогда и его возьму с собою, а в настоящее время нет никаких сообщений с островами», – писал он митрополиту несколькими днями позже. О. Никита, добавлял он, «обещал мне списаться с некоторыми более

опытными в духовной жизни Валаамскими подвижниками» на предмет службы в Америке, хотя «если только найдутся таковые охотники, то как их отправить одних в Сан-Франциско, когда они дальше своей монастырской ограды ничего не видали?» [17, с. 64, 67]. Тем не менее, возможно, именно при посредстве о. Никиты в Америку впоследствии приехали служить еще несколько монахов из Валаама.

Жалование миссионеру было вначале определено скромное, причетническое – 223 доллара 44 цента на полгода, которые о. Никита запросил выплатить ему вперед для покупки необходимого для миссионера снаряжения – походной палатки, складного престола и жертвенника, а также других вещей.

Кенайская миссия к тому времени находилась в весьма запущенном состоянии: местный храм обветшал и требовал капитального ремонта, после перевода приходского священника М. Соломатова на другое место паства распустилась без духовного попечения. Не было священника и на соседнем острове Кадьяк, куда вл. Нестор отправил миссионера в первую очередь как временно исполняющего должность приходского священника. Там в местной церкви тот обнаружил присланный из Валаама образ чудотворцев Сергия и Германа, предназначавшийся для часовни Елового острова. «Имея личное участие в присылке этого образа и приняв на себя попечение об Еловом острове непосредственно, – писал он вл. Нестору, – имею честь покорнейше просить Ваше Преосвященство разрешить мне взять этот образ из церкви Воскресения Христова на Кадьяке и перевезти, по желанию монастыря, на Еловый остров в часовню...» [10]. Владыка Нестор с пониманием отнесся к радению миссионера о дорогой для него реликвии и дал соответствующее разрешение.

В июне 1881 г. о. Никита перебрался на постоянное место жительства в Кенай, откуда начал совершать миссионерские поездки по окрестностям. «Кенайский миссионер иеромонах Никита, – докладывал в своем ежегодном отчете Св. Синоду вл. Нестор, – ...отплыл из Кенай на двух байдарках с причетником в конце июля месяца и посетил селения Кусташаны, Туюнак и берега реки Сушитны, где, исполнив все требы, возвратился обратно в Кенай; 27 сентября снова отправился в путь и посетил селения Кассимово, Ненильчик, Лайдинское и Сельдево. В этих местах было сильно развито шаманство, но миссионер надеется, что с Божией помощью и ежегодным посещением этих мест вовсе искоренится таковое суеверие» [16]. В другом отчете о миссионерской деятельности о. Никиты, составленном прот. В. Вечтомовым, говорилось о тяжелых условиях этих поездок: «Путешественники несколько ночей провели под открытым небом, все без исключения принимали участие в гребле на быстрых местах течения, перетаскивали байдарки на своих плечах с одного места на другое» [8, л. 40–41].

О. Никита начинал свое миссионерское служение бодро и с оптимизмом, хотя к началу миссионерских поездок ему было уже около 44 лет. Все было новым и непривычным: дикая природа, суровый климат, незнакомые племена с их языками и обычаями, проблемы их обращения в православную веру. Но помогал советом епископ Нестор, близкий по жизненному опыту как бывший морской офицер, в бытность свою монахом тоже служивший братом милосердия. Именно к нему обращался начинающий миссионер в трудных ситуациях и всегда получал ясный и точный ответ. Так, во время своей первой миссионерской поездки летом 1880 г. он постоянно обращался к владыке с вопросами о том, как поступать в случаях распространения в тех краях кровосмешения (ответы преосвященного даются в скобках):

«1. Что делать с женщинами, которые оставили своих законных мужей, и с мужчинами, которые оставили своих законных жен и живут теперь с другими мужчинами и женщинами, хотя их бывшие супруги еще живы? Они не хотят оставлять своих сожителей, да еще имеют незаконных детей. Допускать ли их к причастию? (Тех, кто не хочет прекращать незаконного сожительства, нельзя допускать к причастию в течение семи лет, но при смерти они могут получить отпущение грехов).

2. Что делать с двоюродными братом и сестрой, которые живут как супруги, если у них есть дети? (Их следует наказывать за прелюбодеяние в течение 15 лет, но при искреннем раскаянии не допускать к причастию в течение 7 лет).

3. В одном селении есть два родных брата: один живет в законном браке, а второй незаконно взял родную сестру жены старшего брата и имеет с ней троих детей. Могу ли я благословить их брак? (Им запрещено жениться, и они не допускаются к причастию в течение 7 лет.)» [17, с. 92–93].

Но летом 1882 г. вл. Нестор погиб – утонул во время обозрения епархии. Когда в начале сентября о. Никита вернулся с Кенай на Кадьяк, он получил указ Правления «с печальным из-

вестию о кончине нашего архипастыря» и отслужил по нем панихиду [11]. Управляющим делами епархии на время ее вдовствования стал достойный прот. Вечтомов, но он не мог заменить для о. Никиты покойного Нестора.

Постепенно накапливались и другие проблемы: слабеющее здоровье, память, болезнь ног плюс растущее разочарование в пастве и возможности ее наставления на путь истинный. Не дремал враг рода человеческого, и о. Никиту все чаще терзали сомнения в действенности своих трудов: столько усилий и неужели все напрасно? Даже после обращения туземцев в православие – где гарантия, что, как только пастырь уедет, они опять не «примутся за прежнее, потому [что] при лености своей и беспечности им нечего больше делать. Опять будут производить свои языческие пляски и “колотушки” при одре покойника (а иногда еще и умирающего) или выносить его через окно непременно, а не через двери, и другое, тому подобное» [14]. К тому же нередко приходилось обходиться без переводчика: «Жаль только, что нет хорошего толмача, через которого можно было бы лучше передать понятие о христианской религии», – писал о. Никита прот. Вечтому в августе 1885 г. Приходилось объясняться жестами, «вплоть до пантомимы» [12]. К этому добавлялась тягота одиночества – вечного спутника миссионеров: «Скучно нам здесь, не слышно новостей из родной России...» – сетовал он тому же Вечтому в мае 1885 г. [12]. Дальние поездки давались все тяжелее, приходилось отказываться от далеких путешествий. Осенью 1883 г. о. Никита планировал посетить язычников на большой реке Медной, пересекающей Аляску с севера на юг, но пришлось отказаться. «На Медной реке я не был, так как труд этого пути оказался столь громаден, в особенности для меня, что нам и не воображалось! – докладывал иеромонах прот. Вечтому. – Да и ноги мои и спина оказались ныне совсем негодными к пешему хождению. Кроме местности гористой и изрытой главное приходится беспрестанно переходить быстрые и глубокие довольно речки горные по плечи иногда, упираясь при этом в противоположный берег длинным шестом, чтобы водой не снесло. Лопни шест в руках такого пловца, как я, и прощай свет...» [15]. Недаром прот. Вечтомов в письме митрополиту Исидору сомневался в исполнимости этого замысла: «Исполнит ли он это свое намерение – не знаю. Думаю, что нет, так как в настоящем году он поздно возвратился в Кенай из Кадьяка, где пробыл восемь месяцев». «О пребывании иеромонаха Никиты в Кадьяке, – продолжал в том же письме прот. Вечтомов, – дошли до меня слухи самые неутешительные. Я просил местного священника уведомить меня, насколько эти слухи справедливы, но ответа еще не получил. В частном письме иеромонах Никита сообщает мне, что он намерен оставить свое миссионерское служение. Полагаю, что это было бы к лучшему» [8, л. 32–32об.]. Это было первое упоминание о желании о. Никиты уйти на покой и о слухах вокруг него.

О. Никита разрывался между Кенаем, Кадьяком и Еловым и потому просил перевести его на Еловый, а Кенай оставить только на лето. «Ежели дозволено будет мне проводить зиму, но не на Кадьяке, конечно, а на Еловом острове, – писал он прот. Вечтому, – то я могу продлить службу еще на два или три года, ежели только, конечно, есть в этом нужда для епархии – и притом же готов пользоваться только за первую половину года жалованием; ежели это неудобно почему-нибудь, чтобы позволить мне ездить в Кенай только на лето для исполнения треб и доставления годовых отчетов, то я служить не могу более и имею на это весьма законные и основательные причины. Два хозяйства я не могу завести – одно на Кенае, а другое на Еловом острове. Кенай я должен оставить и обеспечить себе трудовую жизнь на Еловом. Все в Кенае пойдет своим обычным порядком, и школа. Я от попечения над Кенаем совсем не отказываюсь, пока не найдется на мое место новый миссионер» [12]. Да и само Правление не торопилось с увольнением о. Никиты, поскольку прот. Вечтомов, по словам самого миссионера, советовал ему «не торопиться в этом шаге» [12].

Тем не менее Правление препроводило это прошение миссионера митрополиту Исидору, приписав, что, не дождавшись согласия от Правления, о. Никита в августе самовольно оставил свой кенайский приход и прибыл в Кадьяк, где пробудет, видимо, до мая 1885 г. [12].

Ответ Духовной консистории из Санкт-Петербурга, за которым, видимо, стоял Первенствующий член Св. Синода, не заставил себя ждать, тем более что к этому времени в столицу поступила жалоба российского консула в Сан-Франциско А. Е. Оларовского, адресованная непосредственно обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву. Консул поднял вопрос об увольнении о. Никиты в Россию, назвав его «страшно пьющим человеком», «негодным быть священником в заграничной епархии» [9, л. 43об.]. Оларовский не бывал на Аляске, не называл источников этой дискредитирующей информации, и обер-прокурор, видимо, решил проверить ее с помощью Св. Синода.

В указании Духовной консистории Аляскинскому духовному правлению прошение миссионера было названо «неопределенным», а позиция Правления – невнятной, высказанной «безо всякого со своей стороны мнения, основанного на соображении местных условий и обстоятельств». Консистория потребовала от Правления «1) дать отзыв о том, благонадежен ли Иеромонах Никита к продолжению службы и если благонадежен, то 2) дать ясные и обстоятельные сведения по содержанию его прошения и 3) высказать мнение о том, признается ли его просьба удобною к исполнению» [12].

Ко времени получения этого указания из Санкт-Петербурга в Сан-Франциско уже рассматривалось другое прошение о. Никиты, в котором тот просил уволить его из епархии по причине многих болезней (глухота, расстройство памяти, потеря зрения, боль в спине и ногах), которые «не дают мне возможности к исправному выполнению моих обязанностей». «И нынешнее лето, – продолжал он, – я с большим трудом и страданиями душевными и телесными совершил морской объезд округа вверенной мне миссии на байдарках. При всем моем искреннейшем желании быть полезным чем-нибудь Святой Православной церкви в сем крае я решительно сознаю всю неспособность свою к миссионерской деятельности и к церковно-приходской практике вместе со священнослужением. Поэтому, не желая быть бесполезным представителем Православной церкви и дорожа своим спасением, я умоляю, на милость Бога, Аляскинское Духовное Правление исходатайствовать мне увольнение от настоящей должности Кенайского миссионера с оставлением и священнослужения и с благословением уединиться на покой на Еловый остров (Новый Валаам) близ Кадьяка, тем более что и цель моего приезда в Аляску была та, чтобы поселиться именно на этом острове при гробе приснопамятного старца Германа...» В заключение он просил в качестве «незаслуженной награды» выдать ему хотя бы половину положенных прогонных для обзаведения на Еловом [12]. К тому же на Кенае не осталось пригодного жилья, так как прежний дом миссионер уступил вдове Ивановой, «оставшейся по смерти своего мужа, местного дьячка, безо всяких средств с большим семейством в ветхом доме, который также развалился, как и старый миссионера дом близ церкви» [12].

Препровождая это прошение на усмотрение митрополита Исидора, Правление высказалось за увольнение просителя в Россию, но против удовлетворения остальных его просьб: нецелевое использование прогонных денег, по мнению Правления, могло создать нежелательный прецедент для других священнослужителей, а разрешенное уединение на острове Еловый противоречит «сохранению церковной дисциплины», а также «единству действий православных священников на Аляске» (что бы сие ни значило). В заключение Правление просило о замене о. Никиты на другого миссионера [12]. Так административная перестраховка возобладала над соображениями гуманности.

Не больше сочувствия проявили к воплю души о. Никиты и в Санкт-Петербургской духовной консистории. На рапорт Правления с приложенным к нему прошением миссионера была наложена следующая резолюция: «Иеромонаха Никиту от занимаемой им должности уволить; в дозволении ему проживать на острове Еловом отказать, так как от Г. Обер-Прокурора Св. Синода уже телеграфировано Ген. консулу Оларовскому о высылке его в Россию» [13].

Телеграмма консулу последовала, видимо, после его очередного доноса К. П. Победоносцеву от 2 апреля 1886 г., в котором он еще более настойчиво ратовал за безотлагательный отзыв миссионера, ссылаясь на новые полученные им сведения. Причины: «постоянное не трезвое состояние Отца Никиты, доведшее его до Delirium Tremens (белая горячка. – *Авт.*), и вследствие этого полное неуважение к нему его паствы; второе – безнравственное поведение его вследствие того же виновного возбуждения, каковое уронило его окончательно в глазах не только его паствы, но, что еще важнее, в глазах местных властей и американских таможенных судов и, наконец, в третьих, желание его, не испросив предварительного благословения Св. Синода, ни мнения Алеутского Духовного Правления, открыть мощи Иеромонаха Германа на Еловом острове» [9, л. 39об.].

Трудно сказать, в чем крылась причина вендетты консула против о. Никиты. Оларовский вообще проявлял повышенное рвение в отслеживании поведения русского духовенства на Аляске, взяв на себя роль главного надзирающего за их нравственным обликом. О. Никита был не единственным объектом его преследования: в 1882 г. консул добился отзыва в Россию другого православного миссионера – о. Василия Кашеварова из многочисленной династии священнослужителей креольского происхождения. Когда же тот сумел оправдаться перед Св. Синодом и даже вернуться в Сан-Франциско, консул в письме своему начальнику – российскому послан-

нику в Вашингтоне К. В. Струве – с неподдельным возмущением писал: «Если всех мною высланных они будут обратно присылать, то я должен буду отказаться от приведения здешних духовных лиц к должному порядку» [1, л. 2об.]. Как видно, от этой роли консул не отказался и в дальнейшем. Получив от К. П. Победоносцева телеграмму об отзыве о. Никиты, он с явным злорадством потребовал от его причетника Николая Сороковикова срочно принять дела у опального миссионера, которому по сдаче дел «предписано... явиться в Сан-Франциско» [13].

Во всяком случае, рапорты и путевые журналы о. Никиты вплоть до самого конца его служения отнюдь не похожи на записи спившегося до белой горячки дебошира. Скорее, их писал просто измученный и больной человек, у которого осталось единственное только стремление – в покое завершить свой земной путь отшельником рядом с могилой своего приснопамятного предшественника. Но и в этом ему было отказано.

На сообщение консула о. Никита вежливо, но с достоинством ответил Правлению, что передача дел и подписание всех связанных с этим документов потребуют времени и не могут быть завершены ранее весны следующего года, после чего он будет «иметь честь явиться в Сан-Франциско» [13]. Миссионер просил известить о том «господина Генерального консула». Но тот не унимался. По получении этого сообщения он продолжал теребить Правление, требуя информировать его, когда наконец о. Никита «думает выехать из Кеная, так как мне необходимо уведомить об этом Г-на Обер-Прокурора Св. Синода» [13]. Но в Сан-Франциско о. Никита так и не вернулся.

Не получив благословения удалиться на покой, он сам отправился на Еловый остров, поселился в бывшем скиту отца Германа, построил там келью и привел в порядок могилы преподобного Германа и монаха Иоасафа (Евсеева), установив над ними надгробия. Судя по всему, отмечает ведущий историк православной Аляски митрополит Климент (Капалин), он хотел, как и Герман Аляскинский, «посвятить себя подвигу уединенной молитвы» [6, с. 310n]. Но промысл Божий был иным, как свидетельствует рапорт священника Кадьякской церкви о. Петра Добровольского о гибели о. Никиты в конце 1887 г. «Известие сие получено мною 29 декабря вечером от жителей Еловского селения, что случился пожар, сгорела Келья и в ней сам отец Никита сгорел дотла». Посланная на Еловый комиссия констатировала: «При исследовании оказалось: келья сгорела до основания; в углу, у выходных дверей, оказались останки усопшего, обратившиеся в пепел. По свидетельствовании Доктора в присутствии всех членов оказалось несгоревшее, но испекшееся Сердце при совершенно обгоревшей малой частице хребта. Останки привезены были в Кадьяк 1 января 1888 года и преданы земле по чиноположению погребения монахов» [13].

Эти обстоятельства, конечно, не случайны. Иеромонах Никита уехал на Еловый остров вопреки решениям своего церковного начальства – Аляскинского духовного правления и Санкт-Петербургской духовной консистории – независимо от того, чем эти решения были мотивированы. Этим он, конечно, нарушил один из трех монашеских обетов – послушания. Послушание, отречение от своей воли основано на призыве Спасителя: «Тогда Иисус сказал ученикам Своим: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною»¹. Учение о послушании является ключевым в монашеской традиции. В тематическом собрании изречений монашеских подвижников первого христианского тысячелетия, пользующихся в Православной церкви безусловным авторитетом, есть следующее высказывание: «Сказал снова [авва Моисей]: монах, <...> не имеющий послушания и смирения, никакой не стяжет добродетели и даже не знает, что такое монах» [5]. Общим местом для монашеской традиции, да и вообще для классической христианской традиции является убеждение, что, оказывая непослушание людям, монах (а с некоторыми оговорками и каждый христианин) грешит перед Богом [4].

Однако в монашестве о. Никита жил по сердцу, да и в монастырь ушел по зову сердца, оставив военную карьеру. Нет оснований сомневаться в искренности его слов о своем «искреннейшем желании быть полезным чем-нибудь Святой Православной церкви». И как миссионер и пастырь, он принес очевидную пользу Русской духовной миссии на Аляске, подавая при этом своим сподвижникам пример христианского братолюбия и терпения. Несомненно, о. Никита старался служить на совесть, по сердцу. Потому, наверное, его сердце и осталось несгоревшим, к торжеству высшей справедливости и во свидетельство его сердечности и искренности для знавших его.

¹ Мф 26. 24.

Список литературы

1. АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 170. Оп. 512/1. Год 1884. Д. 11.
2. Булах А. Г. Три Валаама моей души. Россия, Северная Америка, Финляндия. СПб., 2015. 112 с.
3. Валаамские миссионеры в Америке (в конце XVIII столетия). СПб., 1900. 307 с.
4. Дионисий (Шлёнов), иг. Три монашеских обета: каноническое и богословское содержание : докл. на конф. «Монастыри и монашество: традиции и современность» (Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 23 сентября 2013 года). URL: <https://azbyka.ru/tri-monasheskih-obeta-kanonicheskoe-i-bogoslovskoe-soderzhanie> (дата обращения: 10.02.2026).
5. Древний патерик, или Тематическое собрание изречений-апофтегм отцов-пустынников / пер. с древнегреч. еп. Феофана (Говорова). URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/drevnik-paterik-per-svt-feofana-zatvornika/14#source (дата обращения: 13.02.2026).
6. Митрополит Климент (Капалин). Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года. М., 2009. 604 с.
7. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 796. Оп. 205. Д. 488.
8. РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 467.
9. РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 129.
10. ARCA (Alaskan Russian Church Archives, Library of Congress Manuscript Division). Cont. B 18. Marchenko, Nikita (Nikolai) (monk), 1879–1887. Folder 1880–1881.
11. ARCA. Cont. B 18. Marchenko, Nikita (Nikolai) (monk), 1879–1887. Folder 1882–1883.
12. ARCA. Cont. B 18. Marchenko, Nikita (Nikolai) (monk), 1879–1887. Folder 1883–1885.
13. ARCA. Cont. B 18. Marchenko, Nikita (Nikolai) (monk), 1879–1887. Folder 1885–1887.
14. ARCA. Cont. D 300. Kenai Peninsula Travel Journal. Marchenko, Nikita (monk). Folder 1881–1882.
15. ARCA. Cont. D 300. Kenai Peninsula Travel Journal. Marchenko, Nikita (monk). Folder 1883–1885.
16. ARCA. Cont. D 474–475. Folder 1879–1881.
17. The Right Reverend Nestor, Bishop of Aleutians and Alaska 1879–1882 : Correspondence, Reports, Diary / transl. and ed. by G. Soldatov. Minneapolis, 1993. Vol. 1. 198 p.

Life and Death of the Alaskan Missionary Hieromonk Nikita

Pechatnov Vladimir Olegovich¹, Pechatnov Valentin Vladimirovich²

¹Doctor of History, professor of the Department of History and Politics of the Countries of Europe and America, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia, Moscow. ORCID: 0000-0001-6733-031X. E-mail: vopechatnov@gmail.com

²PhD in History, associate professor of the A. F. Shishkin Department of Philosophy, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia, Moscow. ORCID: 0000-0001-9340-9363. E-mail: vpechatnov@yandex.ru

Abstract. The article presents a documentary biographical sketch of hieromonk Nikita (Marchenko) – a Russian Orthodox missionary who served in Alaska during 1880-s. His personality has been neglected in historiography yet it provides a vivid example of a humble ascetic's life which had started in professional military service and then after taking monastic vows became fully devoted to conversion of Alaska natives into Eastern Orthodox faith. Father Nikita's tragic fate reflects everyday life of a distant Aleutian and Alaskan diocese of the Russian Orthodox Church with all its challenges and achievements: hardships and joys of missionary work in the cold and severe land inhabited by alien tribes, a way of life and mentality of a Russian monk in this harsh environment, the inner world of daily existence and human relations inside this diocese with its strict rules and requirements. Also shown is a grim role that Russian diplomats and the Holy Synod bureaucracy played in the hieromonk's life. The article is based on the documents from Russian State Historical Archive, Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire and most importantly – the little known sources from the Archive of Russian Church in Alaska (Library of Congress Manuscript Division). Getting to know the reality of hieromonk Nikita's life provides a new human dimension to the history of Russian Orthodox Mission in America and contributes to a better understanding of its significance.

Keywords: Russian Orthodox Mission in the USA, Aleutian and Alaska diocese, Nikita Marchenko, Bishop Nestor (Zass).

References

1. Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire. F. 170. Op. 512/1. God 1884. D. 11.
2. Bulah A. G. *Tri Valaama moej dushi. Rossiya, Severnaya Amerika, Finlyandiya* [The Three Valaams of My Soul. Russia, North America, Finland]. SPb., 2015. 112 p.
3. *Valaamskie missionery v Amerike (v konce XVIII stoletiya)* [Valaam Missionaries in America (in the Late 18th Century)]. SPb., 1900. 307 p.

4. Dionisij (Shlyonov), ig. *Tri monasheskih obeta: kanonicheskoe i bogoslovskoe sodержanie : dokl. na konf. "Monastyri i monashestvo: tradicii i sovremennost'"* (Svyato-Troickaya Sergieva Lavra, 23 sentyabrya 2013 goda) [The Three Monastic Vows: Canonical and Theological Content : a paper delivered at the conference "Monasteries and Monasticism: Traditions and Modernity" (Holy Trinity–St. Sergius Lavra, September 23, 2013)]. Available at: <https://azbyka.ru/tri-monasheskih-obeta-kanonicheskoe-i-bogoslovskoe-soderzhanie> (date accessed: 10.02.2026).

5. *Drevnij paterik, ili Tematicheskoe sobranie izrechenij-apoftegmy otcov-pustynnikov* [The Ancient Patericon, or a Thematic Collection of the Sayings-Apophthegms of the Desert Fathers] / transl. from Ancient Greek by Bishop Feofan (Govorov). Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/drevnik-paterik-per-svt-feofana-zatvornika/14#source (date accessed: 13.02.2026).

6. *Mitropolit Kliment (Kapalin). Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' na Alyaske do 1917 goda* [The Russian Orthodox Church in Alaska before 1917]. M., 2009. 604 p.

7. RSHA (Russian State Historical Archive). F. 796. Op. 205. D. 488.

8. RSHA. F. 796. Op. 205. D. 467.

9. RSHA. F. 1574. Op. 2. D. 129.

10. ARCA (Alaskan Russian Church Archives, Library of Congress Manuscript Division). Cont. B 18. Marchenko, Nikita (Nikolai) (monk), 1879–1887. Folder 1880–1881.

11. ARCA. Cont. B 18. Marchenko, Nikita (Nikolai) (monk), 1879–1887. Folder 1882–1883.

12. ARCA. Cont. B 18. Marchenko, Nikita (Nikolai) (monk), 1879–1887. Folder 1883–1885.

13. ARCA. Cont. B 18. Marchenko, Nikita (Nikolai) (monk), 1879–1887. Folder 1885–1887.

14. ARCA. Cont. D 300. Kenai Peninsula Travel Journal. Marchenko, Nikita (monk). Folder 1881–1882.

15. ARCA. Cont. D 300. Kenai Peninsula Travel Journal. Marchenko, Nikita (monk). Folder 1883–1885.

16. ARCA. Cont. D 474–475. Folder 1879–1881.

17. *The Right Reverend Nestor, Bishop of Aleutians and Alaska 1879–1882 : Correspondence, Reports, Diary* / transl. and ed. by G. Soldatov. Minneapolis, 1993. Vol. 1. 198 p.

Поступила в редакцию: 25.03.2026

Принята к публикации: 29.04.2026